

"Балет на минном поле". Как власти Беларуси разрушили гражданское общество и кто теперь помогает уязвимым группам

... [bbc.com/russian/features-65353178](https://www.bbc.com/russian/features-65353178)

- Мария Сысой
- для Би-би-си

Белорусские женщины, пострадавшие от домашнего насилия, до сих пор звонят бывшим сотрудницам убежища "Радислава", надеясь на помощь - но организация ликвидирована. Сотни маленьких детей из приютов и детдомов уже не получают заботу социальных нянь, когда попадают в больницу, - государство закрыло краудфандинговую медиаплатформу "Имена", которая финансировала проект. Офис по правам людей с инвалидностью раньше консультировал до 1400 человек в год. Теперь он сам "вне закона".

В 2020 году белорусским силовикам за несколько месяцев удалось подавить массовые демонстрации против результатов президентских выборов. В 2021 году власти атаковали независимые медиа и неправительственные организации (НПО). Александр Лукашенко обвинил структуры гражданского общества в зарубежном финансировании и "организации переворота и мятежа".

С тех пор НПО в Беларуси ликвидируют нон-стоп - правозащитники зафиксировали уже минус 1280 организаций. Под репрессии попали благотворительные, правозащитные, женские, экологические, просветительские, исторические, спортивные организации - как созданные недавно, так и "старожилы" из начала 1990-х.

Белорусский третий сектор (то есть сектор НПО - не коммерческий и не государственный) и раньше был маленьким даже по региональным меркам - но сейчас он фактически искореняется. Журналист Мария Сысой для Русской службы Би-би-си исследовала, как изменился сам сегмент НПО, положение уязвимых групп-бенефициаров помощи, социальная сфера в целом и пришел ли кто-то на место уничтоженных организаций.

"Мы откатились в 90-е". Женщинам стало труднее скрыться от домашнего насилия

"Женщины не верили до последнего, и никто не выселялся до последнего дня. Двум женщинам вообще не было куда выселяться, - рассказывает Вера (имя изменено), бывшая сотрудница убежища "Радислава". - Ко мне до сих обращаются клиентки:

"Может быть, что-то изменилось, может быть, это неправда, может быть, вы найдете нам что-нибудь?" На НПО, которое существовало 20 лет, зимой 2022 года обрушились обыски и аресты. Закончилось все ликвидацией.

"Радислава", по словам руководства, работала без госденег - были частные пожертвования, краудкампании, помощь иностранных фондов и белорусских компаний. Начинала с шелтеров-квартир, потом обустроила дом для 30 женщин и детей и планировала новый на 50 мест. Приняла больше 500 клиенток и их детей. Они жили в доме от нескольких суток до полутора лет, консультировались с юристами и психологами.

В 2018-м вместе с другими НПО и "Радислава" лоббировала закон о противодействии домашнему насилию, который позже был фактически заблокирован Александром Лукашенко. Проводила тренинги для участковых, врачей, психологов и социальных педагогов. Буклеты организации были в РУВД и поликлиниках. Некоторые госсайты до сих пор указывают номер убежища.

А 9 ноября 2021 года Ольгу Горбунову, руководительницу "Радиславы", задержали - идентифицировали на видео с протестов 2020 года. В это же время бывший муж одной из клиенток писал жалобы на "Радиславу": якобы шелтер заставлял клиенток ходить на демонстрации, а в подвале дома печатались наклейки и шились бело-красно-белые флаги. Ничего из этого не было правдой, говорит Ольга, но "Радиславу" закрыли по этим ложным доносам.

Ликвидировали еще несколько НПО, которые работали с темой домашнего насилия. В том числе организацию "Гендерные перспективы", которая запускала и администрировала общенациональную горячую линию для пострадавших от насилия в семье. Линии тоже больше нет, но номер до сих пор указан на разных госсайтах.

"Больше ничего нет, все разрушено. Мы откатились в 90-е, - говорит Ольга. - Женщинам больше некуда позвонить, негде проконсультроваться, негде спрятаться, негде получить юридическую помощь".

Ольга полгода была в СИЗО и получила три года "домашней химии" (ограничение свободы под постоянным контролем милиции). Она сумела выехать из Беларуси, а позже стала представительницей по социальным вопросам Объединенного переходного кабинета Светланы Тихановской, фактически альтернативного белорусского правительства за рубежом.

Насилие в семье - одна из тем, с которыми Ольга продолжает работать уже в этой должности. Она утверждает, что проблема в последнее время только усугубляется, а статистика прячется: "У них нет сейчас кадров работать с темой домашнего насилия. Все сейчас обеспечивают политические репрессии, все устанавливают "правонарушителей" по политическим статьям". Недавно Ольга создала петицию с

требованием открыть доступ к статистике по фактам семейного насилия. Но пришел отказ: якобы эти сведения "отнесены к служебной информации ограниченного распространения".

"Женщины не могут сейчас безопасно развестись, потому что не могут безопасно обратиться в милицию. Милиция тут же говорит "Ага, сейчас мы вас проверим на благонадежность", - рассказывает бывшая сотрудница шелтера Вера. - Может, они это делают специально, чтобы меньше было вот этих заявлений. Каждый боится - даже если он не участвовал в митинге, ну мало ли он там где-то проголосовал, подписался - это уже в списках неблагонадежности".

У государства есть опция для пострадавших женщин - так называемые кризисные комнаты. По информации Минтруда и соцзащиты, их в стране 137, на 429 спальных мест. Интересно, что в 2020 году через них прошли 384 пострадавших от домашнего насилия, в 2021-м - 340. При этом шелтер "Радислава" на 30 мест не простаивал никогда: в 2020 году там проживали 90 человек. Цифр за 2021 год не сохранилось: сотрудницы спешно чистили свои устройства перед обысками.

Представительницы "Радиславы" объясняют: в госкомнатах нет конфиденциальности, они не только для пострадавших от домашнего насилия, заселение недлительное, специалисты недостаточно квалифицированы для работы с женщинами в ситуации насилия.

Марина (имя изменено) из тех, кому шелтер очень помог. Преследование, угрозы, запугивание детей и порча имущества стали для нее повседневностью после развода, пока она не нашла в интернете телефон убежища: "Если бы не "Радислава", у меня бы не вышло сохранить психику моих детей. Я бы не смогла лишить его [мужа] родительских прав, потому что это очень все долго. И с его попытками украсть детей неизвестно, где были бы дети. Непонятно, чем бы это все закончилось".

Она обращалась к властям, просила о защитном предписании - но его не выдавали, потому что муж бывший. Она скрывалась на съемной квартире, но он быстро нашел ее. Спрятаться удалось только в шелтере.

"Адреса кризисных комнат находятся в интернете. Скажите, чем мне поможет кризисная комната, если он меня за углом караулит?" - говорит Марина.

"И журналистика, и благотворительность де-факто запрещены". Десятки проектов лишились краудфандинга

Одним из источников финансирования "Радиславы" были сборы с некоммерческой платформы ИМЕНА - проекта журналистки Катерины Синюк, который начинался как медиа, рассказывающее об уязвимых группах и социальных проектах, а потом стал краудфандинговой площадкой для них.

ИМЕНА собирали деньги для разных проектов - и гуманитарных, и образовательных. Они охватывали практически все уязвимые группы: пожилых, людей с редкими или неизлечимыми болезнями, другими диагнозами, бездомных, пострадавших от насилия в семье женщин, детей-сирот.

В 2021 году ИМЕНАМ исполнилось пять лет, и команда рассказывала о том, как помогала запускать и поддерживать 39 социальных проектов. Через три месяца были обыски, ликвидация и блокировка счетов. На счетчике платформы со сборами за все время существования застыла цифра 6 992 773 белорусских рублей (около 3 млн долларов). Причиной закрытия власти назвали несоответствие деятельности уставу организации. Пожертвования, по словам Катерины Синюк, до сих пор заморожены.

"Часть проектов закрылись или значительно сократили объемы помощи. Часть работают, но тяжело искать финансирование, - говорит Катерина Синюк. - За пять лет работы ИМЕНА помощь получили не менее 50 000 человек. Все эти люди сегодня остались практически один на один со своими проблемами. Помощи либо не стало совсем, либо в очень ограниченном объеме. Информации о каких-то компенсациях от государства этим людям я нигде не видела".

Одним из первых и самых финансово успешных проектов ИМЕНА был "Няня вместо мамы". Все началось в 2016 году с идеи Красного Креста и одной няни в больнице Гродно. Она заботилась о детях-сиротах, ведь у медперсонала нет времени на полноценный уход.

Белорусов зацепила эта идея, и они помогали очень активно. За пять лет собрали более 600 тыс. белорусских рублей (почти 287 тыс. долларов), и с одной няни в одной больнице проект расширился до 21 няни в 19 больницах 18 городов: в Минске, всех областных городах и многих районных центрах. За это время они позаботились почти о 5 тысячах детей: ухаживали за ними, брали на руки, играли, читали книжки, гуляли.

Примерно через год после ликвидации ИМЕНА работу проекта приостановили - такая информация появлялась в госСМИ. Сейчас он заработал вновь, но уже далеко не так масштабно. В Белорусском Красном Кресте сообщили, что сейчас работают шесть нянь: две в Бресте и по одной в Пинске, Витебске, Гродно и Молодечно - и что организация планирует развитие и расширение этой деятельности, но подробностей не привели.

"Мне недавно прислали видео из одной из больниц, куда привозят детей-сирот и которым нужны няни. Но поскольку нянь там нет - дети орут в кроватях круглосуточно, - говорит Катерина. - Я смотрела на видео орущих детей, мимо которых ходили врачи, в обязанности которых не входит уход за ними, и все внутри холодело. [В той больнице никогда] не было нянь, но обсуждали и планировали

запуск в будущем. Вот эти крики о помощи, когда больше никому помогать - это, в том числе, последствия разгрома некоммерческой сферы в Беларуси, важных социальных проектов".

Катерина Синюк уехала из Беларуси сразу после того, как власти объявили свое решение о ликвидации ИМЕН. "Отъезд был связан, в первую очередь, с тем, что в Беларуси больше невозможно развиваться. Обе мои профессии - и журналистика, и благотворительность - де-факто запрещены. Я верю, что ИМЕНА вернуться, думаю об этом постоянно".

"Бандиты и иностранные агенты". Власть считает, что в Беларуси слишком много НПО - но это не так

"Вырежем всех мерзавцев, которых вы финансировали. Ах, вы озаботились, что мы уничтожили ваши структуры, НКО, НПО и прочие", - говорил Александр Лукашенко в ноябре 2021 года в [интервью Би-би-си](#). В разных выступлениях последних лет он называл НПО "бандитами и иностранными агентами", "предателями" и "вредом для государства", утверждал, что они "организовывали переворот и мятеж" и открыто называл происходящее с ними зачисткой.

С 2021 года больше 1280 НПО в Беларуси закрыты властями, в процессе ликвидации или самоликвидации - как считают правозащитники, зачастую под давлением властей. Эти данные собирает организация Lawtrend - она в Беларуси в процессе ликвидации и теперь работает из Грузии. Списки увеличиваются несколько раз в неделю.

Сколько неправительственных организаций было в Беларуси, эксперты могут лишь предполагать. На сайте president.gov.by в разделе "Гражданское общество" до сих пор указана информация на 1 января 2021 года, до начала "зачистки": 3021 общественное объединение, 25 профсоюзов и около 400 благотворительных организаций. Но многие НПО регистрировались в форме учреждений и по ним статистика недоступна, объясняет Ольга Смолянок, руководительница Lawtrend.

"Это не первая волна ликвидации, но самая массовая, которая была за всю историю независимой Беларуси. Мы считаем, что примерно 25% исчезло точно в зарегистрированном статусе. Мы исходим из того, что в Беларуси было где-то 5-6 тысяч НПО. Но эта цифра совершенно неофициальная," - говорит Ольга Смолянок.

Бывшая руководительница "Радиславы" Ольга Горбунова более категорична в оценке. "Выжженное поле. Если говорить про реально работающий гражданский сектор, который говорил про права человека, поднимал очень тяжелые, болезненные вопросы для страны, это будет абсолютно другой процент. По моим ощущениям, подавляющее большинство реально действовавших организаций ликвидировано".

Александр Лукашенко несколько раз говорил, что в Беларуси с населением в 9,25 млн человек работало слишком много НПО - но цифры свидетельствуют обратное. Например, по данным CSO Meter, который готовит Европейский центр некоммерческого права (ECNL), в Беларуси самый маленький показатель числа НПО на 10 тысяч жителей среди стран Восточного партнерства - 3,5. По нему страна уступает Азербайджану, Украине, Армении, Молдове и Грузии. Например, в Украине он в 4,5 раза выше, а в Молдове - в 12,5 раз.

Важно, что этот расчет производился на цифрах 2020 года, то есть еще до массовой ликвидации НПО.

По индексам, определяющим устойчивость организаций гражданского общества (например, Sustainability Index от Агентства США по международному развитию (USAID)), Беларусь из года в год получала плохие оценки - в том числе из-за скудной законодательной базы и проблем с правоприменением, ограниченных возможностей НПО в адвокатировании и предоставлении услуг, в доступе к финансированию.

По словам экспертов, в отличие от принятого в развитых странах подхода, когда НПО курируют, но именно государство во многом финансирует социальные сервисы, в Беларуси у таких проектов господдержки практически не было. И даже несмотря на участие некоторых НПО в законотворчестве, лоббировании интересов уязвимых групп и периодических упоминаниях в госСМИ, представители сектора говорят, что в отношениях с государством всегда были проблемы.

"Государство позволяло только самым "безопасным", таким, как мы, социальщикам работать, получать финансирование, - говорит Ольга Горбунова. - Всех остальных они гнобили: финансирование получали только благонадежные, пропаганда называла нас грантососами, правозащитникам не разрешали зарегистрироваться. Все эти 30 лет все делалось для того, чтобы имидж у третьего сектора был так себе".

"НКО воспринимались государством как необходимое зло, чтобы получать большие деньги от условного ЕС, - говорит специалист по филантропии и социальному инвестированию Дарья Царик. - Например, у вас есть партнерство с МВФ или Еврокомиссией, которые подразумевает условие, что мы даем государству энное количество миллионов евро, но вы гарантируете, что какие-то НПО тоже смогут получить доступ к финансированию. Все те же западники спонсировали госпрограммы. Государство принимало деньги от тех же доноров, что и мы - ООН, USAID, посольства".

"Ситуация выживания". Оставшиеся НПО потеряли системное финансирование

Те организации, которые продолжают работать внутри Беларуси, сейчас быть на слуху опасаются. Представители двух НПО, с которыми нам удалось поговорить, попросили не называть не только их настоящие имена, но и направление деятельности, источники финансирования и некоторые другие детали - настолько велики для них сейчас риски работы в стране.

"Я попросил: "Ребята, давайте сохраним то, ради чего мы столько лет трудились", - говорит представитель одной организации, которого мы назовем Александр. - Сложно, трудно и хочется высказаться, ребят просто трясло от того, что вокруг происходило. Я им говорил - помните, кому мы помогли, и о тех, кому мы еще можем помочь. [...] Ребята меня услышали."

В обеих организациях работа стала менее эффективной: одна помогла за год гораздо меньшему количеству людей, чем рассчитывала, а у второй подготовка одного из проектов занимает уже второй год вместо изначального плана в полгода. "Затянулось, потому что нет системного финансирования. Ситуация больше выживания, чем развития, но держимся, на ногах стоим", - говорит представитель другой НПО Евгений (это не настоящее его имя).

Сбои в финансировании беспокоят оба проекта. Они, как и раньше, ничего не получают от государства и собирают свои бюджеты через пожертвования от людей и бизнесов. Но делать это стало сложнее. Евгений видит ситуацию так: "Три тенденции: бизнес не понимает, что с ним происходит, невозможность зарубежной поддержки и отсутствие краудфандинговых платформ, что отрубило возможность помощи незнакомому проекту".

"Бизнес тоже напуган всем тем, что произошло. Они в открытую спрашивают - вы не в черном списке?", - описывает ситуацию Александр. У организации почти получается собирать годовой бюджет. Но она не может рассчитывать на зарубежную помощь - ни на переводы от белорусов, которые в последние годы массово уезжают из страны, ни на гранты. "Зарубежная помощь - она была до, сейчас даже не рассматриваю. Честно - я не хочу к себе внимание привлекать. Не хочу проблем", - говорит Александр.

В обеих НПО были экономические проверки: по их словам, проверяли всех, и не один раз. Но о том, что положение стабилизировалось, собеседники сказать не могут. "Надо учиться дальше жить в этой ситуации здесь и сейчас. Это такой балет на минном поле. Насколько мы можем вокруг себя создавать территорию какого-то воздуха - мы делаем. А там как повезет дальше", - говорит Евгений.

Есть и другие проблемы. Например, стало меньше волонтеров - люди уезжают или начинают думать больше о своем благополучии. У обеих НПО одинаковые проблемы с продвижением: без краудфандинговых платформ и независимых медиа остаются только соцсети. "Мы иногда 100 раз думаем, к каким блогерам обращаться. Потому что эти блогеры порой отстаивают крайние позиции - в одном

или втором лагере, - говорит Александр. - ТВ не повлияет, не сделает нам погоды. Раньше было какое-то минимальное доверие, но на сегодня я бы не хотел. Тихонечко, сами по себе, аккуратно, никого не трогая - и вы нас не трогайте".

"С позиции государства всего достаточно". Бюджетные расходы на соцзащиту снижаются, а на суды и силовиков - растут

В конце 2021 года Александр Лукашенко обещал, что ликвидированные НПО никогда не будут восстановлены, при этом как бы приглашая создавать новые: "Пусть защищают больных, лечат ковид, пусть чернобыльцам помогают, нищим, обездоленным, людям с ограниченными возможностями, лечат детишек и так далее - милости просим, дорога открыта. Кто-то хочет создать фонды - пожалуйста".

По последним данным Минюста за 2021 год, в Беларуси появилось 36 общественных объединений и семь фондов. В отчете CSO Meter эксперты на основе данных министерства показали динамику, начиная с 2010 года: получилось, что за все эти годы 2021-й стал самым скучным на новые общественные объединения.

Конечно, в том же 2021м появились и другие НПО - учреждения, которые не упоминаются в официальной статистике. Например, центр "Системная правозащита", который возглавляет бывший чиновник Дмитрий Беляков. У центра нет сайта - только телеграм-канал. По словам Дмитрия, целевая аудитория центра - мигранты, на помощи белорусам в Беларуси он не специализируется.

Как утверждает Дмитрий, организация финансируется в основном за счет его собственных средств, способов получить госфинансирование он не нашел. За консультациями туда обращается 10-20 человек в месяц.

С ноября 2022 года Дмитрий Беляков также числится председателем правления Международного благотворительного фонда имени Эмиля Чечко, названного в честь польского перебежчика, который выступал в белорусских госСМИ с ничем не подтвержденными заявлениями о преступлениях Польши во время миграционного кризиса. В марте 2022 года он был найден повешенным.

По словам Дмитрия, этот фонд тоже фокусируется на помощи иностранцам - жертвам конфликтов и репрессий. Пока финансируется тоже во многом из собственных средств, но рассчитывает на иностранные гранты - для этого уже открыты счета в разных валютах. Среди достижений фонда Дмитрий перечислил фотовыставку, учреждение "международной премии для правозащитников" и помощь польской семье с переездом из Великобритании, так как дети пострадали от, цитата "тоталитарной ЛГБТ-пропаганды".

А в октябре 2022 года, по данным из Единого государственного регистра юрлиц и ИП, появился "Фонд Первого", чье полное название звучит как "Фонд первого президента Республики Беларусь". О нем пока даже не было новостей.

В августе того же года Александр Лукашенко рассказал, что поручил управделами "создать единый национальный фонд, который бы работал под патронатом президента". Подробностей об этом больше не сообщалось, и является ли "Фонд Первого" этим фондом, не известно. Запрос, который Би-би-си направила в управделами президента, остался без ответа.

Эксперты называют такие организации ГОНГО - негосударственные организации, организованные государством. Руководительница правозащитной организации Lawtrend Ольга Смолянок считает, что они не заменят ликвидированные НПО. "Организации гражданского общества кем создаются - людьми, которые столкнулись с такой ситуацией или неравнодушными, у которых болит. Не потому, что сказало государство "вы создайтесь тут". Организации достигают целей именно потому что создаются снизу. Когда кто-то говорит "создайте и работайте" - так не работает гражданское общество".

Возможно, власти Беларуси теперь закладывают больше денег под соцзащиту? В республиканском бюджете расходы на социальную политику в период с 2020 по 2023 год существенно не меняются (но стоит уточнить, что социальные программы финансируются и из местных бюджетов). Зато среди лидеров прироста по расходам за последние два года - статья "Судебная власть, правоохранительная деятельность и обеспечение безопасности", то есть суды и силовики.

"Тут вопрос концептуальный. У нас всего достаточно с позиции государства, - говорит специалист по филантропии и социальному инвестированию Дарья Царик. - Если оно признает, что что-то не так, то это плохой и неэффективный менеджмент. Если оно этого не делает, то никаких дополнительных средств не надо".

"Последние 10 лет были самообманом". Что привело к "зачистке" третьего сектора

На вопрос о том, почему власти атаковали сектор НПО, у экспертов два ответа.

"Я думаю, они действительно верят, [то ли] что НПО стали причиной протестов 2020 года, то ли что это симптом. Эта агрессия связана именно с тем, что они боятся повторения. Действительно были марши людей с инвалидностью, и марши всех-всех, - говорит Дарья Царик. - Но это ошибка предвзятости. Это была революция ценностей. Если взять любой сектор, где немного было благосостояния - медики, IT, - все шли, потому что "у меня все хорошо, но в стране что-то не очень, хочется сделать получше".

"Я от себя скажу, что это самообман. Последние 10 лет были самообманом о том, что ты можешь быть сектором в стране, в которой этот сектор не подразумевается, - добавляет она. - Невозможны компромиссы, когда у тебя информационная автократия, а с другой стороны гражданское общество".

"Когда происходят витки репрессий, первыми под ударом находятся медиа и организации гражданского общества. Потому что они не только помощники - это проводники информации, они формируют общественное мнение, повышают осведомленность, выражают альтернативное мнение", - добавляет Ольга Смоляноко.

Эффект от репрессий будет накапливаться и обязательно станет заметным для общества, считает она: "Организации гражданского общества очень часто работают в тех сферах, где государство не может или не хочет. Они поднимали проблемы тех людей, которых государство не замечало никогда. Теперь, когда эти организации закрыты, остались лакуны. [...] Эффект будет понятен еще через несколько лет, но уже сейчас можно говорить о том, что целый ряд групп остался без хорошей поддержки со стороны НПО".

"Я до сих пор получаю сообщения в соцсетях, на почту от людей, которые ищут помощь, - говорит Ольга Горбунова. - Мы же такие сервисные организации, куда люди обращаются не единожды, годами. Представители уязвимых социальных групп очень почувствовали на себе, что нас всех в стране больше нет. Что никто больше не подымает эти темы, что нет на слуху, что в какой-то сервис можно обратиться".

Эксперты говорят, что в результате зачистки в Беларуси не осталось ни одной зарегистрированной независимой правозащитной организации, закрыты около десятка видных НГО, боровшихся за права женщин, а краудфандинг как явление потерял все самые известные платформы.

***

Половину 2021 года Сергей Дроздовский, руководитель Офиса по правам людей с инвалидностью, провел под домашним арестом - суд сделал поблажку, так как Сергей передвигается на коляске. Его коллега, юрист Олег Граблевский - в СИЗО. Правозащитников обвинили в махинациях с международным финансированием. ООН в одном из ежегодных докладов назвала их преследование репрессиями за сотрудничество с организацией.

Офис в итоге в процессе ликвидации, но Сергея и Олега отпустили под поручительство - и они смогли выехать из Беларуси.

"Мы, конечно, напрягали всех с этими правами. Мы были очень неудобными партнерами, все время говорили неудобные вещи", - вспоминает Сергей время, когда государство не называло организацию мошенниками. Офис защищал

интересы белорусов с инвалидностью с 2010 года. Успешно лоббировал ратификацию Конвенции о правах людей с инвалидностью, участвовал в разработке одноименного закона - в итоге его приняли только в прошлом году.

Юристы Офиса консультировали от 1000 до 1400 людей в год: от разовых телефонных звонков до кейсов, которые сопровождали годами. Люди обращались из-за ущемления своих прав, связанных с работой, образованием, медобслуживанием, получением инвалидности, ситуацией в интернатах и тюрьмах. Денег от государства Офис не получал, зато были проекты с ООН и посольствами.

Теперь организация старается продолжать работу из Литвы, но в очень усеченном виде - только консультации.

"Сейчас организации, которые остались, потеряли возможность высказываться, - говорит Сергей. - Они или молчат, или говорят какие-то такие вещи... "спасибо" государству. Поклоны бьют. Государство им отводит такую функцию: вы проводите свои мероприятия какие-то социальные, на слёты ездите. А критика ваша больше не нужна - мы без вас знаем, что и как нужно делать. И у людей, и у организаций страх, что если ты будешь жаловаться, то ты сам виноватым можешь быть".

Мы изменили статью 27 апреля 2023 года, удалив данные об изменении расходов на социальную защиту в структуре республиканского бюджета Беларуси. Приносим извинения читателям.

Темы
